

Сообщение
УДК 303
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/163-170>

Заметки "постороннего" о XIV съезде востоковедов России

Анатолий Михайлович Кузнецов
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, kuznetsov.2012@mail.ru

Ключевые слова: *востоковедение, съезд, практика, теория, нация, сложность*

Для цитирования: Кузнецов А. М. Заметки "постороннего" о XIV съезде востоковедов России // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 1. С. 163–170.
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/163-170>

Message
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/163-170>

Notes from an "outsider" about XIV Congress of Russian Orientalists

Anatoly M. Kuznetsov
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, kuznetsov.2012@mail.ru

Key words: *Oriental Studies, convention, practice, theory, nation, complexity*

For citation: Kuznetsov A. M. Notes from an "outsider" about XIV Congress of Russian Orientalists // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19. No. 1. P. 163–170. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/163-170>

Знаковым событием в научной жизни Владивостока стал форум восстановленного в 1997 г. по инициативе Е. М. Примакова Общества востоковедов России, который был приурочен к 125-летию со дня открытия в нашем городе Императорского Восточного института. В работе Съезда приняли участие около 250 специалистов, включая сотрудников основных центров востоковедения нашей страны. Среди них представители Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Нижнего Новгорода, Самары, Ростова-на-Дону, Севастополя, Тамбова, Липецка, Махачкалы, Элисты, Абакана, Барнаула, Екатеринбурга, Кызыла, Новосибирска, Иркутска, Красноярска, Омска, Читы, Улан-Удэ, Якутска, Анадыря, Южно-Сахалинска, Владивостока, Хабаровска и Благовещенска. Кроме того, были заслушаны доклады представителей Белоруссии, Китая, Узбекистана, Японии и Филиппин.

С приветственным словом к участникам съезда, в частности, обратились председатель Российского исторического общества С. Е. Нарышкин и директор Государственного Эрмитажа академик М. Б. Пиотровский. На пленарном заседании с докладами выступили: директор Института востоковедения РАН (г. Москва) А. К. Аликберов, директор Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера, г. Санкт-Петербург) чл.-корр. РАН А. В. Головнёв, директор Института восточных рукописей И. Ф. Попова (г. Санкт-Петербург), директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ) академик РАН Б. В. Базаров, зам. Председателя ДВО РАН, академик РАН В. Л. Ларин, директор Института археологии им. А. А. Халикова (г. Казань), академик АН РТ А. Г. Ситдииков, Я. В. Лексютин (Санкт-Петербургский университет) и Д. В. Дубровская (Институт востоковедения РАН). Докладчики осветили широкий круг проблем, связанных с историей (А. В. Головнёв) и ролью государства в развитии науки о Востоке (И. Ф. Попова), актуальными задачами востоковедения в связи с разработкой новых подходов и концепций (А. К. Аликберов), современной ролью монгольского мира (Б. В. Базаров), текущим состоянием востоковедения к востоку от Урала (В. Л. Ларин) и другие темы.

Во время съезда на площадках Дальневосточного отделения РАН и ДВФУ работали 15 секций, на которые традиционно был вынесен широкий круг проблем, включая теорию, историю и геополитику, социально-политические процессы в странах Востока, этнологию, кочевниковедение, религию,

языки, культуру и искусство, языкознание и преподавание языков, состояние востоковедения в России. Специфика владивостокского Съезда выразилась в организации секций по этнологии народов Востока России и археологического востоковедения. Понятно, что на Съезде проходили серьезные дебаты, связанные с обсуждением провозглашенного "Поворота России на Восток". Более концептуально этот внешнеполитический курс рассматривался на 12-й секции Съезда "Поворот на Восток и практическое востоковедение". Свои оценки на ней представили Д. В. Стрельцов – зав. кафедрой востоковедения МГИМО(у), осветивший ряд аспектов данной проблемы; В. Н. Колотов – зав. кафедрой истории стран Дальнего Востока СПбГУ, снова поднявший вопрос об участии учёных в разработке этого курса. В свою очередь, академик В. Л. Ларин высказался в том смысле, что поворот на Восток, практически, завершился после своего провозглашения. Такую позицию поддержал и Ю. В. Попков (Институт философии и права СО РАН), обосновав некоторые причины "недоповорота на Восток. Стратегическое или тактическое значение этого поворота рассмотрели Ю. А. Зуляев и Р. Ю. Зуляев (Иркутский госуниверситет). При обсуждении проблемы была также высказана точка зрения, согласно которой Россия и так является восточным государством и потому не нуждается в особом развороте.

На мой взгляд, наиболее интересными на секции всё же стали дискуссии, связанные с темой *практического востоковедения*. Так, В. В. Сумский – ведущий эксперт Центра АСЕАН МГИМО – заострил внимание на необходимости развития этой отрасли в условиях формирования нового миропорядка. Он, в частности, оценил значение замены в актуальной международной повестке проблематики АТР на обсуждение перспектив ИТР. Один из традиционных ракурсов проблемы рассмотрел на примере изучения Турции в России П. В. Шлыков (МГИМО, МГУ). Другой – в своём обзоре продовольственного рынка Китая затронул наш известный практик И. Ю. Зуенко (МГИМО). "Сверхпрактическую" точку зрения на задачи востоковедения, как подготовку консультантов, знающих логистику продвижения товаров и механизмы банковских расчетов в разных странах, предложил слушатель школы Сколково А. Г. Маргоев (МГИМО). "Бизнес-предложение" не очень оценила аудитория, а ведущий секции В. Л. Ларин вообще сказал, что такое мнение не имеет отношения к востоковедению, так как эта отрасль должна иметь более *фундаментальный* характер, а частные вопросы можно решать на уровне переподготовки разных специалистов. Тем не менее, эта полемика представляет интерес, поскольку она отражает тенденцию к формированию потребности не только в *практических* востоковедах, занимающихся изучением отдельных стран Востока или различными областями их жизни и деятельности, но и в *прикладных* специалистах. Задача последних, по-видимому, заключается в способности оперативно реагировать на частные запросы, которые ставит текущая и изменчивая конъюнктура. Но остается вопрос: кто это будет делать и как готовить таких специалистов?

Тенденция к подобному продолжению разделения *комплексного* востоковедения очень показательна, как и открытие в Москве в Высшей школе экономики первого диссчета по востоковедению и африканистике, который возглавил чл.-корр. РАН Д. М. Бондаренко. Диссовет предоставляет возможность защиты диссертаций по основному перечню научных специальностей от экономики до искусствознания с соответствующей спецификацией. Значение отмеченной тенденции становится более понятно, если учитывать исторические условия возникновения востоковедения (Oriental Studies). Наука как "рациональное" знание формировалась в эпоху Просвещения в Западной Европе, которая более 500 лет назад стала открывать для себя несредиземноморский Восток. Самобытность стран последнего и колониалистское мышление европейцев спровоцировали вывод, что разделение обществоведения на отдельные отрасли (историю, экономику, социологию и др.), как принято в "цивилизованных" странах, в этом случае будет неправомерным. Вполне достаточно использовать холистический ("комплексный") подход к изучению Востока. Правда, было сделано снисхождение по части изучения разных "экзотичных" языков в целях оптимизации в свою пользу отношений с "недоцивилизованными". С подобным подходом приходилось мириться, пока эти территории оставались в положении мировой "периферии". Здесь следует от-

метить, что в России был свой *внутренний Восток*, сначала охватывавший пространство Закавказья, Кавказ, затем и Среднюю Азию, включенные в состав *единого государства*. Российские востоковеды, включая иностранцев, проходили обучение за границей, стажировались там, но в силу специфики нашей истории и культуры, собственно колониалистские представления не получили распространения и в этой среде.

Сегодня ситуация кардинально изменилась и государства мирового большинства и глобального Юга становятся и стали полноценными акторами международных отношений. Поэтому следует продолжить переосмысление статуса востоковедения и африканистики в соответствии с современными общенаучными представлениями. Согласно этим представлениям, научный работник-практик (*наблюдатель*), как и любой управленец или другой функционер, решающий серьезные задачи, оказываются перед вызовом *сложности* реалий стран и регионов, и даже *жизненного мира* отдельного индивида и их объединений. Недаром ирландскому писателю Д. Джойсу, чтобы описать близко к реальности один день из жизни своего героя В. Блума, пришлось создать многостраничного "Улисса". Этот роман, опубликованный в 1933 г. и наделавший много шума, наглядно продемонстрировал, что получается, когда мы стремимся фиксировать как можно больше деталей нашего окружения. После 1960-х гг. мы получили *информационный взрыв* (инфосферу) из-за скачкообразного роста потока печатных изданий, а теперь ещё цифровых и интернет-ресурсов. Между тем, как показывают когнитивная психология и современная нейронаука, из-за наших естественных ограничений в восприятии информации человек произвольно или целенаправленно фиксирует некоторую *выборку* из всего возможного многообразия среды. Воздействие указанных факторов стало причиной научной специализации и удручающего количества субдисциплин в каждой отрасли науки. Поэтому любому практичку, который вовлечён в событийные и информационные потоки, приходится решать сложнейшую задачу: как отбирать необходимые данные из этого многообразия на не всегда понятных основаниях, и чем следует пренебречь. Затем, как показал Э. Саид, эта информация проходит доработку в соответствии с установками, заложенными нашей "обмирщённостью", т.е. условиями своей родной страны. Оценим теперь всю сложность положения, например востоковед-китаиста, который высказывает амбиции описать эту огромную страну в целом! А проще ли решать свои задачи специалисту-индологу или исследователям Египта, Индонезии, Ирана, Ирака, Кореи, Турции, Японии...? Стоит ли тогда удивляться, что из-за влияния указанных "фильтров", там, у них к российским коллегам складывалось отношение как к специалистам по России со знанием восточных языков. Как же можно преодолеть эти барьеры и разные стереотипы?

Казалось бы, решением этих проблем было соответствующее образование (не услуги!), закладывавшее профессиональную "матрицу" востоковеда, и стихийное формирование необходимого опыта путём "погружения" в изучаемую реальность. Однако, общая турбулентность и темпы изменений в современном мире делают проблемными прежние методики подготовки практических специалистов. Как показывают примеры Е. М. Примакова, В. В. Наумкина, В. В. Малявина и других исследователей, даже им для становления в качестве высококвалифицированных профессионалов пришлось провести не один десяток лет в странах арабского мира или Восточной Азии. Сегодня такая практика долгосрочного "взрачивания" становится непозволительной "роскошью". Поэтому проблема, как из обучаемого, освоившего восточный или иной язык, за более короткое время сформировать ещё и компетентного страноведа/регионоведа приобретает всё большую актуальность, учитывая "кадровый голод", о котором с тревогой говорят "компетентные лица".

Обсуждая все эти обстоятельства, невольно сравниваю две цифры. В прошлом году в Санкт-Петербурге проходил XV Конгресс антропологов и этнографов России, который собрал около 800 участников. При этом чуть не лейтмотивом выступлений лидеров этой научной отрасли были жалобы на отсутствие необходимой поддержки, закрытие профильных специальностей в вузах и т.п. (К слову, в СССР было всего 8 кафедр этнографии в ведущих университетах). В то же время, сейчас много говорится о значимости подготовки востоковедов. Но владивостокский Съезд – это около 250 участников, причём

довольно заметный процент среди них составили те же этнографы! Конечно, Владивосток, в отличие от Петербурга, логистически менее доступен. К тому же незадолго до этого здесь проходил IX Восточный экономический форум, на который были привлечены и востоковеды. Не утверждаю, учитывая российские масштабы, что нам не нужно столько этнографов, но цифры 800 и 250 всё же заставляют задуматься. Основание для некоторого оптимизма сейчас видят в развитии информационных технологий и цифровизации, анализе больших данных, а также успехах машинного перевода. Однако, вспоминая результаты "кибернетического бума" 1960-х гг., я не склонен торопиться делать на эти новации основную ставку. Это *новая реальность*, которая ещё нуждается в осмыслении. Удастся ли найти выход из сложившейся ситуации, продолжая углублять профессиональную специализацию востоковедов и увеличивая количество обучающихся? Возможно, но при соблюдении некоторых условий.

Следует отметить участие в Съезде, наряду с этнографами, и востоковедов, включенных в изучение международных отношений, прежде всего с профильной кафедры МГИМО. Кроме того, были представлены "чистые" международники из ДВФУ и Института истории ДВО РАН, а также отдельные специалисты из других областей. Это свидетельствует, на мой взгляд, о здоровой тенденции к расширению *междисциплинарных* связей между востоковедением и другими научными отраслями. Наряду с рассмотренными вариантами развития востоковедения, как представляется, следует развивать в нем и *теоретическое направление*. В нормальных условиях как раз теория должна обеспечивать создание *целостного* представления о предмете исследования, устанавливая наиболее *существенные* его компоненты, свойства и отношения. Простая декларация *комплексности* не может подменить эту сложную, но необходимую область исследований, а тем более обеспечить подлинную *фундаментальность* данной науки. К сожалению, после бурных дискуссий об азиатском способе производства, теоретический "энтузиазм" в востоковедении несколько поумерился. Это направление продолжали развивать отдельные исследователи: Л. Б. Алаев, А. К. Аликберов, Л. С. Васильев, В. П. Илюшечкин, В. В. Наумкин, О. Е. Непомнин, В. Н. Никифоров, В. В. Малявин, некоторые другие авторы. В современных реалиях, отражающих слом прежнего *миропорядка*, нет времени, чтобы пассивно фиксировать происходящее и собирать факты, которые со временем кто-то обобщит. Сегодня, чтобы не опоздать с реакцией на новые вызовы, учёные должны оправдывать своё предназначение, выходя на передний "фронт" концептуального осмысления происходящего и установления наиболее вероятных трендов регионального/глобального развития, которые теперь определяются во многом мировым большинством. Без изменений в *научной картине мира* и разработки *прорывных идей*, базирующихся на основе сильных *теорий*, объясняющих смысл происходящего в условиях глобальных перемен, поставленная задача представляется неразрешимой.

К сожалению, сформировать на Съезде полноценную секцию теории и методологии востоковедческих исследований, учитывая и выступления на пленарной сессии, не получилось. Исключением стали лишь некоторые доклады. В частности, А. М. Кузнецов вынес на обсуждение тему "Антропологическое измерение востоковедческой проблематики", обратив внимание на потенциал теории этноса и концепции психоментального комплекса С. М. Широкогорова в свете данных социальной/культурной нейронаук. Как практическую реализацию антропологического подхода можно рассматривать доклад Е. В. Полева (Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН) "Наследие Великой монгольской империи и средневековых монголов в исторической памяти народов Внутренней Азии". "Беспронимательный" вариант повторила в своём выступлении "Теория Р. Тимуса как подход к объяснению социальной политики КНР" Г. В. Кондратенко (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН). В самом деле, берём идеи какого-нибудь автора для оценки эмпирической реальности разных стран, а затем ещё используем таким же образом и другие идеи. Какое широкое поле возможностей открывает такой подход для практического востоковедения! К сожалению, полученные подобным образом результаты не имеют отношения к собственно теоретическим разработкам.

Основная же часть докладов на секции касалась опыта применения возможностей цифровизации, искусственного интеллекта и других новаций. В. С. Морозова (Российский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена) озвучила "Цифровую трансформацию востоковедных практик России: от онлайн-инструментов и искусственного интеллекта к феномену нейронета Web 4.0" и её возможностей применительно к преподаванию китайского языка. О. Б. Бальчиндоржиева, М. Х. Бадмаева, М. В. Золхоева (Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова) рассмотрели сюжет "Цифровизация и проблемы развития информационного общества в контексте традиционных мировоззренческих представлений философских школ Китая" и, фактически, объединили подходы двух предыдущих участников. Другие специалисты вынесли на обсуждение методики изучения документов с помощью современных технологий как ещё один вариант развития междисциплинарности.

На общем фоне несколько выделялась немассовая секция, посвященная общим проблемам нации и нациестроительства на Востоке. В своем докладе Д. М. Бондаренко (Институт Африки РАН, НИУ ВШЭ) "Нациестроительство на Глобальном Юге и Глобальном Севере: перспективы в эпоху постколониализма" осветил широкий круг вопросов, актуальных для многих государств мирового большинства. Он обратил внимание на то, что крушение колониального миропорядка оказало существенное влияние не только на бывшие колонии, но и на остальной мир. Докладчик признал, что при существующих различиях государств постколониального мира, проблема нации для многих из них является очень актуальной. Понимая нацию как *надэтническое* образование с определенной идентичностью, мифологией и политической организацией, Д. М. Бондаренко, в соответствии со сложившейся в антропологии традицией, описал современную ситуацию в мире как *культурную неоднородность* в рамках определенных государственных границ. При этом в Африке такая поликультурность характерна для государств, в которых не сформировались единые нации. В свою очередь, Западная Европа, с уже сложившимися национальными государствами, после массовых транснациональных миграций тоже вернулась к поликультурному состоянию. Поэтому, по мнению докладчика, на Западе происходит отказ от прежних представлений о нации как целостной культурной общности и актуализируется идея *поликультурного нациестроительства*. Он также отметил важное обстоятельство, связанное с отличием взглядов на ситуацию с культурным многообразием в отдельном государстве *изнутри* или *снаружи*. В первом случае, в фокусе восприятия будет это разнообразие, во втором, в силу отличия от культур других государств, будет складываться впечатление достаточного единства. При этом, поликультурность государств Востока Д. М. Бондаренко предложил рассматривать не как проявление "архаизации", но как его преимущество для дальнейшего развития.

В докладе А. М. Кузнецова (ДВФУ) "Этнос, государство, нация: от "абстрактов" Запада к "конкретам" Востока" поставленная проблема обсуждалась через призму дихотомий: универсальное и партикулярное, абстрактное и конкретное, эмное и этное. Такая принципиальная установка может быть выдержана на базе системной методологии в контексте основополагающего принципа *сложность*, на основе многомерного иерархического подхода к изучаемым явлениям в динамике их развития, дифференциации и интеграции. Приведённые концептуальные основания анализа проблемы позволяют адекватно использовать потенциал *трансдисциплинарности*. Выводы, полученные в результате проведенного исследования, были сформулированы докладчиком следующим образом. Значительная часть истории человечества связана с формированием этнических общностей ("племён") на основе расширенного через *свойство* (эндогамный брак) представления о родственных отношениях. По мере углубления социально-экономической дифференциации возникли потребности в оформлении социального *управления* как особого рода деятельности и *насиллия* как значимого инструмента согласования интересов разных объединений людей, положивших начало процессам политогенеза. Для укрепления властных отношений и формирования соответствующих институтов элитарные группы в собственных интересах и в целях сохранения стабильности своих политий в условиях общественной дифференциации и неравенства

использовали также религиозные и другие ментально-символические механизмы. Формирование централизованных государств и становление политических отношений актуализировали новые идеологемы, а затем идеологии, которые делают востребованными идеи нации и национализма. Такие идеи, трансформирующие этноцентристские представления к условиям этнической неоднородности населения и его классового разделения, становятся одним из инструментов поддержания стабильности государств. В свете приведенных данных А. М. Кузнецов предложил рассматривать в качестве основных реальных исторического процесса и современного развития стран мирового большинства *этнические общности* и различные *политии/государства*. В то же время, по мнению докладчика, идеологемы, идеологии и концепты, вроде нации, представляют *особую психоментальную реальность*, которая возникает при осмыслении первичных реалий, а со временем трансформируется под влиянием принятой политики государств.

В совместном докладе А. В. Поповкина и М. Е. Буланенко (кафедра философии ДВО РАН) "Почему концепт "нация" – проявление научного универсализма, а не колониализма" нация была определена как *теоретический предмет*, т.е. такой, который недоступен непосредственному наблюдению. К предметам подобного рода можно отнести элементарные частицы, биологический вид, этническую общность и т.п. Существование теоретических предметов постулируется или, напротив, отрицается соответствующей теорией. В последнем случае они могут рассматриваться, например, как фантомы коллективного сознания. Подобную процедуру с такими теоретическими предметами как "нация" и "этнос" проделывают представители конструктивизма (Р. Брубейкер и Б. Латур). Авторы критически отнеслись к аргументам конструктивистов, отрицающих реальность нации и этноса лишь на основании того, что они непосредственно не наблюдаемы. В качестве положительной альтернативы была предложена социальная онтология на основе концепции собранности сознания Н. Трубецкого. Также была высказана гипотеза, что в основе нации как особого рода общности находится политико-правовые отношения.

На секции не обошли вниманием и широко востребованный сегодня концепт *идентичность*. И. З. Герштейн (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского) отметил, что традиционные трактовки нации как государства-нации или сообщества, ориентированного на такое государство, утрачивают свою актуальность. Поэтому докладчик на примере Саудовской Аравии, Индии и Китая проанализировал в своем выступлении "Специфику формирования матрицы национальной идентичности государств современного Востока". Национально-государственную идентичность И. З. Герштейн рассматривал как *психологический феномен* массового и индивидуального политического сознания, формирующей единство нации и государства. Определение лежащей в его основе матрицы было дано по описанию О. В. Поповой как национальный *миф*, который вписывает человека в коллективный сценарий поведения и формирует коллективную систему ожиданий, обеспечивая стабильность политического режима и политической системы государства. Докладчик также поддержал мнение о существовании трёх основных видов матриц национально-государственных идентичностей: традиционалистской (государство-семья), теологической (государство-храм) и гражданской (государство-арбитр). Поскольку в качестве образца наиболее успешной матрицы было принято считать американскую, так как США агрессивно продвигали свои неолиберальные ценности, И. З. Герштейн поддержал мнение о необходимости учитывать формирование в Саудовской Аравии и Индии *двухслойности* идентичностных матриц, образованной внешним и внутренним их контурами. Первый обусловлен зарубежным воздействием, второй – закладывается в процессе автономного развития. В то же время, для континентального Китая такая матрица менее характерна, ввиду обладания большим суверенитетом. Докладчик также подчеркнул значение изучения определенных матриц идентичности и общего потенциала политической антропологии для понимания ситуации и оказания влияния на внутреннюю стабильность незападных социально-политических систем.

Тему идентичности продолжила Е. М. Астафьева (Институт востоковедения РАН), раскрывая "Проблемы поиска национальной идентичности:

нациестроительство в современном Сингапуре". Она показала, как решалась задача формирования сингапурской идентичности учащихся и политиков на конкретном примере развития исторического образования страны. Основанное британцами в 1819 г. как торговая колония, это островное государство в наследие от колониального периода получило население, состоящее из трёх основных общностей: китайской, малайской и индийской. После обретения независимости в 1965 г. правительству города-государства и его премьеру Ли Куан Ю пришлось заняться формированием единства своих граждан через идею расовой гармонии, а затем политику идентичности. В основу этой политики, как отметила докладчик, была положена *государственная версия* истории Сингапура. Она отметила смещение фокуса интересов в этой области, произошедшее в 2014 г., с колониального на доколониальный период в истории, вплоть до XIV в. Идеологом этого поворота Е. М. Астафьева назвала консультанта правительства, профессора национального университета Д. Миксича, утверждавшего: "Короткая история ставит нацию на шаткую почву". Подобная идея ещё раньше была оценена другими "строителями наций". В. С. Акуленко (ДВФУ) в своем докладе раскрыл "Эволюцию северокорейского понимания термина "минчжок" (нация) в контексте этногенеза корейцев". Он выделил 3 этапа в процессе создания "чучхеской" концепции нации: 1948–1963 гг.; 1964–1980 гг.; с 1994 г. по настоящее время. Оригинальная трактовка рассматриваемого понятия сложилась здесь в свете представлений об *автохтонном* характере этногенеза на Корейском полуострове, начиная ещё с древнего палеолита (около 500 тыс. лет назад). Как показал докладчик, на первом этапе осмысления проблемы глава КНДР Ким Ир Сен в своих работах основывался на трактовке нации И. С. Сталина, дополнив её положениями о *генетическом* родстве и возможностью формирования в докапиталистических условиях. На следующем этапе к определению были добавлены признаки общности языка и занимаемой территории. Затем, последовательно развивая точку зрения о древности корейской общности, формирование нации на полуострове было связано с *образованием первых государств*. Понятно теперь, почему такой резонанс вызвало заявление главы КНДР Ким Чен Ына в конце 2023 г. о прекращении межкорейского диалога об объединении: отношения между КНДР и РК стали отношениями между двумя враждебными государствами.

В заключении, подводя итоги секции, её ведущий А. М. Кузнецов отметил, что, несмотря на сложившуюся традицию в изучении проблем нации и национализма, в последнее время происходят важные изменения в их осмыслении, которые получили отражение на Съезде. Они проявились сначала как обсуждение различных аспектов *нациестроительства*, привнесшего динамический момент в рассматриваемую проблематику. Сегодня, с привлечением принципа *сложности*, в исследовании внедряются новые подходы, которые открывают возможность применения на основе понятия *комплиментарности* многомерного анализа. Значение приведенных оснований проявляется и в том, что они позволяют по-новому оценить заслушанные на Секции доклады. В частности, становится очевидным, что проблемное *поле* наций и нациестроительства можно рассматривать через его *полицультурное* измерение, как это сделал Д. М. Бондаренко. Анализ *этнополитической* размерности этого поля представил А. М. Кузнецов. В свою очередь, М. Е. Буланенко и А. В. Поповкин указали на измерение, связанное со свойством *ненаблюдаемости* и феноменом *коллективного сознания*. Е. М. Астафьева и И. З. Герштейн, вынесли на обсуждение вопросы формирования национально-государственной идентичности, а, фактически, *политику идентичности* в разных государствах Востока. Реализацию аналогичной повестки, но через использование идеи *нации* показал и В. С. Акуленко. Поэтому три последних доклада, с одной стороны, объединяет анализ политической составляющей общей проблематики, а с другой – выход в область политического сознания, менталитета и т.д. Получается, что в первом варианте эти доклады как частные случаи соответствуют измерению, выбранному А. М. Кузнецовым, а во втором – с позицией М. Е. Буланенко и А. В. Поповкина. В то же время трактовка *культуры*, в широком значении этого понятия как *жизненного мира*, принятая Д. М. Бондаренко, позволяет частично или целиком интегрировать в себя все предыдущие разработки. Но при этом "за скобками" ещё остаются резуль-

таты осмысления этого мира через создание соответствующих *ментальных образов*, в том числе *идентичности* индивидов и внедряемых государством идеологием (той же нации) и идеологий. По мнению ведущего, анализ *этнического измерения* проблемы позволяет интегрировать и жизненные миры, и варианты их осмысления в определенных общностях.

По поводу увлечения "коллективными" идентичностями А. М. Кузнецов ещё раз обратил внимание, что этот концепт был позаимствован из американской психологии личности Э. Эриксона. Его значимость была обусловлена *индивидуалистической природой* западного социума. Как известно, сообщество большинства стран Востока и глобального Юга отличаются *коллективистскими основаниями* и соответствующими им нормами и представлениями. Поэтому, как уже отмечали другие докладчики, для мирового большинства характерны феномены *коллективного сознания*, а определение "матрицы коллективных идентичностей", за которой сегодня всё чаще оказывается государство со своей *политикой идентичности*, является более сложной задачей для исследования, чем это обычно представляется. Своевременно ли тогда предложение некоторых авторов создать новую дисциплину – *идентологию*, которая снова сведёт рассматриваемые проблемы к плоскому, *одномерному* их пониманию?

Понятно, что измерения и их составляющие, вынесенные на обсуждение, не исчерпывают всей проблематики национального. Как показал А.К. Аликберов, сложные образования включают в себя общественное, экономическое, религиозное, правовое, этическое, лингвистическое и некоторые другие измерения, а также связанные с ними виды коммуникации. Вместе взятые указанные направления образуют реальное поле исследования социально-гуманитарных проблем. В любом случае, для адекватного осмысления нации как *многомерного и многоуровневого* образования необходимо не терять *взаимосвязи* между исследованиями отдельных её измерений и составляющих их конкретных образований. Задачи подобного рода не решаются публикацией под одной обложкой результатов разрозненного изучения различных конкретных вопросов. Только сильная теория в состоянии выполнить необходимую работу. Как представляется, опыт организации обсуждения проблем нации и нациестроительства на Съезде продемонстрировал успешное сочетание теоретического и эмпиризированного ("практического") уровней анализа проблем национального. Вместе с тем, применение современных теоретико-методологических оснований в востоковедении только начинается. Поэтому данное направление является очень дискуссионным. Будем надеяться, что оно получит дальнейшее развитие, так как для этого, к счастью, уже есть необходимый добротный задел, представленный фундаментальным исследованием А.К. Аликберова.

Информация об авторе

Анатолий Михайлович Кузнецов, д-р ист. наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: kuznetsov.2012@mail.ru

Information about the author

Anatoly M. Kuznetsov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kuznetsov.2012@mail.ru

Поступила в редакцию 21.11.2024

Received 21.11.2024

Принята к публикации 25.02.2025

Accepted 25.02.2025